И. А. БУНИН И М. А. ШОЛОХОВ: ТЕМА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Н. В. Гречушкина, Л. Г. Сатарова

Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Поступила в редакцию 11 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка сопоставления позиций И. А. Бунина и М. А. Шолохова по узловым проблемам пореволюционной жизни в России. Оба писателя едины во мнении, что октябрьский переворот поменял систему ценностей традиционного бытия русского человека на эфемерные, призрачные идеалы революции, связанные с постоянным насилием над отдельной личностью и народом в целом. Уничтожение дворянства и «расказачивание» Дона, проведенное большевиками с беспрецедентным цинизмом и большой кровью, нашли отражение в творчестве обоих писателей, которые раскрыли миру правду о терроре, возведенном в ранг государственной политики.

Ключевые слова: Россия, революция, белое движение, любовь, смерть, совесть, нравственность, традиция, красота, вера, покаяние.

Abstract: the article attempts to compare the positions of I. A. Bunin and M. A. Sholokhov on the key problems of post-revolutionary life in Russia. Both writers agree that the October revolution changed the system of traditional values of the Russian people to the ephemeral, ghostly ideals of the revolution, associated with constant violence against the individual and the people as a whole. The destruction of the nobility and the "rastasachivanie" of the don, carried out by the Bolsheviks with unprecedented cynicism and great blood, were reflected in the works of both writers, who revealed to the world the truth about terror, elevated to the rank of state policy.

Keywords: Russia, revolution, white movement, love, death, conscience, morality, tradition, beauty, faith, repentance.

Творческие связи И. А. Бунина и М. А. Шолохова неоднократно попадали в поле зрения критики, однако темы России и революции, белого движения, любви и смерти, с ними связанные, исследованы далеко не полностью. Общеизвестно, что в своем дневнике «Окаянные дни» И. А. Бунин дает нелицеприятную оценку октябрьского переворота и тех деятелей революции, которые с «нечеловеческой энергией» раскрутили «красное колесо» террора в нашей стране. Великий художник слова, безупречный стилист, И. А. Бунин оказался и пророком той страшной трагедии русского народа, которая разразилась в стране после 1917 года. «Окаянные дни» в противовес тем розовым и даже веселым настроениям, которые охватили часть русского общества после свержения царя, представляют собой не просто бесценные свидетельства очевидца о том, как это было, но и являются документом духовной зрелости писателя, который вскрыл метафизические корни очередной кровавой смуты, стоившей России невосполнимых потерь во всех сферах жизни. Достаточно остановиться на одном примере, одном мотиве, чтобы показать актуальность той исторической правды, которая встает со страниц бунинского дневника. 2 марта 1918 года И. А. Бунин записывает:

«Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!

Читал о стоящих на дне моря трупах — убитые, утопленные офицеры. А тут «Музыкальная табакерка» [1, 33].

Не так давно рассекреченные документы, связанные с личностью вождя, неопровержимо доказывают: характеристика, данная И. А. Буниным Ленину, не только верна, но и кажется мягкой, интеллигентной по сравнению с той сатанинской энергией разрушения, которой дышат его письма и приказы. Известный историк, доктор исторических наук, академик РАН В. М. Лавров пишет:

«Краеугольным камнем ленинизма (марксизма-ленинизма) является возбуждение социальной розни и пропаганда неполноценности людей по признаку их социальной принадлежности. Ленинизм есть идеология допустимости использования крайних мер для получения желаемого эффекта (аморальный принцип: цель оправдывает средства).

Более того, в работах Ленина нашей стране навязывался социальный расизм и социальный геноцид — уничтожение, в том числе физическое, буржуазии и дворянства, духовенства и старой русской интеллигенции, трудовых крепких крестьян («кулаков») и казаков» [2, 58].

Приведём несколько документов: 1. «Пенза Губисполком

...провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концлагерь вне города»

Ленин
9 августа 1918 г. [3, 143–144].

2. «Киев

Раковскому, Антонову, Подвойскому, Каменеву
Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков...»

Ленин
24 апреля 1919 г. [3, 290].

Михаил Шолохов в своих романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина» показывает развернутую картину того бешеного натиска зла, которое обрушилось на донское казачество сначала как «рассказывание», а потом — как коллективизация. Между позицией И. А. Бунина и М. А. Шолохова нет различий, хотя один эмигрировал, а другой жил в советской стране, постоянно опасаясь быть уничтоженным за ту правду о деяниях большевиков, которая явлена в его творчестве.

М. А. Шолохов называл И. А. Бунина в ряду своих учителей. Обладая феноменальной памятью, он знал наизусть все его стихи. И. А. Бунин в своих записях периода эмиграции отмечал талантливость М. А. Шолохова, хотя считал, что он слишком груб. И. А. Бунин противопоставлял ему П. Н. Краснова как истинно казачьего писателя.

Тем не менее те параллели неприятия насилия над русским миром, которые наблюдаются в творчестве обоих лауреатов Нобелевской премии, необходимо исследовать, чтобы показать единство русской культуры, традиции, системы ценностей. Особенно интересными в этом плане представляются образы белогвардейцев, которые в советское время подвергались глумлению, отрицанию и рассматривались только как карикатурные. Казачий дворянин Евгений Листницкий в романе «Тихий Дон» даёт следующую характеристику большевикам (совсем в духе «Окаянных дней»):

« — О!.. — Листницкий усмехнулся, — они хотят... это хуже холерных бацилл! Worse в том отношении, что легче прилипает к человеку и внедряется в самые толщи солдатских мася говорю про идею. Тут уж никакими карантинами не спасёшься. Среди большевиков есть, несомненно, талантливые люди, с некоторыми мне приходилось общаться, есть просто фанатики, но преобладающее большинство — разнужданные, безнравственные субъекты. Тех не интересует сущность большевистского учения, а лишь возможность награть, уйти с фронта. Они хотят прежде всего захватить власть в свои руки, на любых условиях кончить, как они выражаются, «империалистическую» войну, хотя бы даже путем сепаратного мира, — земли передать крестьянам, фабрики —

рабочим. Разумеется, это столь же утопично, сколь и глупо, но подобным примитивом достигается расположение солдат» [4, 76].

Листницкий — монархист, но когда начинается белое движение, он вливается в него, становится корниловцем. У М. А. Шолохова было неоднозначное отношение к Л. Г. Корнилову, он считал его патриотом России. Но развязанная гражданская война в принципе не могла выявить победителей и побеждённых: проиграли все. Листницкий одинок в романе, и эта тема обречённости белого дела прослеживается автором «Тихого Дона» на всех уровнях текста. Евгений полюбил Ольгу Горчакову страстной любовью еще до того, как она стала вдовой. Горчакова — одна из последних «тургеневских» женщин в романе, для которой закон чести и супружеской верности непрекаем. Едва герой попытался намекнуть ей о своих чувствах, он получил отпор в духе Татьяны Лариной. Листницкий действительно во многом «лишний» человек (об этом существует уже немало исследований). Но М. А. Шолохов воспринимает судьбу и этого героя «Тихого Дона» как трагическую. И эта жизнь изломана, исковеркана российской катастрофой и определяется как путь в никуда.

Для того чтобы полнее, рельефнее выявить мотивы одиночества наследника онегинских, печоринских, ивановых, олеениных и им подобных, М. А. Шолохов прибегает к любимой им поэзии И. А. Бунина. Целыми днями Листницкий проводил в саду под яблоней, лишенный воли вырвать эту запретную любовь из сердца. «Истомную скуку делил с ним красавец пойнтер, шоколадной в белых крапинах масти. Он молчаливо ревновал хозяина к жене, уходил к Листницкому, ложился, вздыхая, с ним рядом, и тот, поглаживая его, прочувствованно шептал:

Мечтай, мечтай... Всё уже и тусклей

Ты смотришь золотистыми глазами...

С любовью перебирал все сохранившиеся в памяти пахучие и густые, как чабрецовый мёд, бунинские строки. И опять засыпал...» [6, 46].

М. А. Шолохов не боялся в середине 1920-х годов процитировать стихотворение Бунина-эмигранта, посвященное собаке. Целый букет ассоциаций вызывает эта цитата. Во-первых, она приподнимает Листницкого над грязью и кровью братоубийственной войны, усложняет его образ, сообщает ему дополнительную светотень. Герой смог подняться выше ненависти, его любовь к женщине становится чашей страданий (он кончает жизнь самоубийством, не перенеся измены Ольги). Тотальное одиночество Листницкого перекликается с тем онтологическим началом, которое воплотилось в лирике дореволюционного И. А. Бунина. В стихотворении «Одиночество» он пишет:

«Вчера ты была у меня,

Но тебе уж тоскливо со мной.

Под вечер ненастного дня

Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что же! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить» [2, 70].

Тема белого движения в эмиграции, разрушенные семьи, без времени оборванные жизни, общий трагический колорит бездомности и неприкаянности типичен для ряда произведений И. А. Бунина. Особенно показателен в этом плане рассказ из цикла «Тёмные аллеи» — «В Париже». Его герой, бывший генерал белого движения, одинок во Франции: жена его бросила ещё в Константинополе. Герой живёт с постоянной раной в душе. Общая атмосфера начала рассказа, его пейзажный фон — сырая поздняя осень в Париже, на чужой стороне, где нет ни одной родной души. Но Он и Она всё же находят друг друга.

Муж Ольги Александровны разлучен с ней, он тоже участник белого движения и вынужден работать в Югославии. Так исподволь, ненавязчиво возникает тема расколотой России как большой семьи, по которой прошёл плуг истории. Несмотря ни на что, герои соединяются, они счастливы. Но это счастье эфемерное, скоротечное, где вдали от Родины всё представляется призрачным, нереальным.

«На третий день Пасхи он умер в вагоне метро, читая газету, вдруг откинул к спинке сиденья голову, завел глаза...

Когда она, в трауре, возвращалась с кладбища, был милый весенний день, кое-где плыли в мягком парижском небе весенние облака, и всё говорило о жизни юной, вечной — и о её, конченной» [3, 99].

В финальных фразах рассказа появляется ударная деталь, объясняющая метафизику трагического смысла сюжета.

«Дома она стала убирать квартиру. В коридоре, в плакаре, увидела его давнюю летнюю шинель, серую, на красной подкладке. Она сняла её с вешалки. Прижала к лицу и, прижимая, села на пол, вся держащая от рыданий и вскрикивая, моля кого-то о пощаде» [3, 99].

Пасхальный мотив соединяется в тексте с образом шинели царского времени, который говорит о прошлом, об истории России, о национальных корнях русского человека, который несчастен вдвойне: героиня потеряла не только любимого человека, но и почву, Родину, без которой жизнь представляется бессмысленной. Героиня обращается с мольбой к Богу, хотя ей и посылается некоторое утешение: покойный друг умирает на Светлой Седмице, когда, по преданию, двери рая открыты и душа попадает в вечность без мытарств.

В целом же подобная трактовка рассказа объясняет только один пласт его содержания. На наш взгляд, финал отсылает к более широкому библейскому контексту — 136 Псалму Давида «На реках Вавилонских...». По толкованию блаженного Феодорита, в нём отведенные в плен иудеи рассказывают о том, что было с ними в Вавилоне. На берегах рек они оплакивали гибель Иерусалима как единственного места, где Закон предписывал им совершать Богослужение. Иудеи надеялись, что память о священном городе позволит им не смешиваться со злочестивыми народами и вернет им милость Божию. Покаяние и верность иудеев Богу разрушат окаянные дела Вавилона и возвратят их из плена на родину, где будет построен Божий храм [7, 645–646].

Если принимать во внимание пореволюционную Россию, то выражение «дщи вавилона окаянная» неоднократно интерпретировалось не только у И. А. Бунина, но и у других писателей как нашествие большевиков на страну и творимые ими зверства и беззакония.

Возвращаясь к «Окаянным дням», следует подчеркнуть, что они завершаются темой Церкви и обретения пути заблудших русских людей к своим духовным истокам.

«Часто заходим в церковь, и всякий раз восторгом до слёз охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, всё это благолепие, пристойность, мир всего благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах!» [1, 175].

Так «окаянные» дни постепенно превращаются в покаянные, и это путь не только одного И. А. Бунина, но и многих, многих русских писателей, которые осознали российскую катастрофу как плод безверия и духовного заблуждения народа. Эта же проблема есть и в «Тихом Доне» М. А. Шолохова, но её анализ требует отдельного специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. — М.: Советский писатель, 1999. — 33 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988. — Т. I. — 70 с.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988. — Т. IV. — 70 с.
4. Лавров В. М. Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией / В. М. Лавров. — М., 2019. — 58 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — М.: Госполитиздат, 1958–1965. — Т. 50. — С. 143–144.
6. Шолохов М. А. Тихий Дон: в 4-х книгах / М. А. Шолохов. — М.: Художественная литература, 1962. — Кн. II. — 76 с.
7. Феодорит епископ Кирский. Псалтирь с объяснением значения каждого стиха / Блаженный Феодорит, епископ Кирский. — М., 1997. — С. 645–646.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, доцент кафедры философии, социологии и теологии

E-mail: natgrech@yandex.ru

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: natgrech@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University

Grechushkina N. V., candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian language and literature, associate Professor of the Department of philosophy, sociology and theology

E-mail: natgrech@yandex.ru

Satarova L. G., doctor of Philology, Professor of the Department Russian language and literature

E-mail: natgrech@yandex.ru